

УДК 94 (470.6) "18"

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ
СУЩЕСТВОВАНИЯ «ЗАКРЫТЫХ» ОБЩЕСТВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ**

Е.В. Кузнецова

**POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL REASONS
FOR THE EXISTENCE OF "CLOSED" SOCIETIES
IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE 19TH CENTURY**

E.V. Kuznetsova

Аннотация. В статье рассматриваются условия, причины и факторы, способствовавшие становлению и существованию «закрытых» локальных обществ на Северном Кавказе в XIX веке. Опираясь на традиционные социокультурные и политические парадигмы, они противостояли инокультурным внешним влияниям, желая сохранять и транслировать автохтонный образ жизни. Исторически долгое время их структуры спланировались солидарностью кровнородственных и клановых уз. Борясь за возможность сохранения и поддержания традиции, как основополагающей базы социокультурного повседневного существования, северокавказские общества насыщали свои системы жизнеобеспечения и целеполагания мощными механизмами «иммунитетности», которые позволяли им «закрыться» от вредных для них внешних системных искажений. Местная природно-ландшафтная среда также была крепкой преградой и способствовала сохранению этно-локальных и социокультурных различий в самом северокавказском регионе, поддерживая тем самым его фрагментарность и отдельность, которые весьма долго сопротивлялись давлению привносимым в регион нововведениям.

Abstract. The article discusses the conditions, causes and factors that contributed to the formation and existence of "closed" local societies in the North Caucasus in the 19th century. Based on traditional socio-cultural and political paradigms, they resisted foreign cultural influences wishing to preserve and transmit the autochthonous way of life. Historically, for a long time, their structures were united by the solidarity of kinship and clan ties. Struggling for the possibility of preserving and maintaining tradition as the fundamental basis of the socio-cultural everyday existence, the North Caucasian societies saturated their life support and goal-setting systems with powerful "immunity" mechanisms that allowed them to "close" themselves from external systemic distortions that were harmful to them. The local natural and landscape environment was also a strong barrier and contributed to the preservation of ethno-local and socio-cultural differences in the North Caucasian region itself thereby maintaining its fragmentation and separateness, which for a very long time resisted the pressure of innovations brought to the region.

Ключевые слова: Северный Кавказ, инокультурные модуляции, социум, локальность, традиция, внешние влияния.

Keywords: North Caucasus, foreign cultural modulations, society, locality, tradition, external influences.

Относительная геополитическая периферийность Северного Кавказа способствовала весьма продолжительному сохранению на его территории «значительной части автохтонного населения и местных культурных традиций» [9, с. 36], защищенных от инокультурных модуляций. По крайней мере у проживавших там народов было достаточно времени, чтобы сформулировать и организационно оформить собственные политические структуры, прочно связанные с местной этнокультурной традицией и природно-ландшафтной основой, бывшей для традиционного существования изначальным «месторазвитием». Под этой категорией Петр Николаевич Савицкий понимал пространство, в котором происходит «взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями... создаёт свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость...» [11, с. 207].

Эта периферийность положения региона проявлялась как в отношении восточного мира, так и в отношении мира западного, т. е. Европы, и при этом одновременно выступала в роли пограничья и разграничительной линии между ними [9, с. 39]. Именно эта пограничность также предоставляла возможность местным политическим структурам различного уровня развития и оформленности для маневра и сосуществования в рамках традиционной парадигмы, почти не вовлекаясь ни в одну сферу внешнего влияния в регионе, исходившего от основных геополитических гигантов того времени – Российской империи, Персидской державы и Османской Порты.

При этом большая часть местных социумов нагорной части Северного Кавказа представляла общности, основанные на общем происхождении, спаянных общей культурой, языком, ритуалами, легендарно-мифологической традицией и территорией проживания, внутри которых происходили процессы изживания стадии эгалитаризма в пользу стратифицированного социального неравенства.

Исторически долгое время их структуры сплачивались солидарностью кровнородственных и клановых уз, но одновременно реализовывались различные модели солидарности, которые вытекали «из способов, какими ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно их количеству и степени сближения» [7, с. 357].

Важнейшим измерением существовавшей в представленных этнических группах солидарности являлась «органичность – целостность и взаимосогласованность индивидуальных чувствований и переживаний, выступавших как единое целое по отношению к другим группам». Подобная органичность представляла собой «скорее живое единство, чем конвенцию», поскольку складывалась на базе общности происхождения [7, с. 357].

Историческая всеобщность здесь исчерпывалась бинарной оппозицией «Мы / все остальные», и эта разграничительная линия отражалась во всех сферах социальной деятельности – экономической, политической и культурной, накрепко цементируя все проявления местной локальности [4, с. 94]. В «закрытых» обществах идентичность поддерживалась (сознательно или стихийно) путем

культивирования неприязни и враждебности к «Другому», его неприемлемому негативному образу.

Родовая солидарность в горах, однако, постепенно претерпевала по меньшей мере две модификации исторического развития: а) аристократический путь монополизации властных функций и соответствующей организации социума в виде иерархии статусов и функций; б) косвенно-родственный, воплотившийся через эгалитарный путь превращения общины равных в определенную форму демократического общественного устройства [4, с. 360].

В плоскостных районах и предгорьях оформились местные «княжества» – Кюринское, Кайтагское, Табасарань, Мехтула, Шамхальство, где уже достаточно четко выделились верхушечные и низовые социальные группы. Как отмечал Н.И. Покровский: «В некоторых деревнях есть фамилии, которые вследствие личных достоинств представителей своих пользовались несколько поколений первенствующим положением в своих обществах. Экономической основой этого верхушечного слоя были собственные участки земли и владение кулами» [10, с. 107]. Этот верхушечный слой был представлен группами узденей, беков и ханов. «Княжества» – ханства управлялись ханской администрацией, опиравшейся на адатные правоустанавливающие каноны.

Борясь за самость, за возможность сохранения и поддержания традиции, как основополагающей базы социокультурного повседневного существования, северокавказские сообщества вынуждались к насыщению своих систем жизнеобеспечения и целеполагания мощными механизмами «иммунности», которые позволяли им «закрыть» самоё себя от вредных для них внешних системных искажений.

В связи с этим исследователи отмечают: в региональном политическом развитии проявлялась «чрезмерная актуализация и чрезмерное давление на неё тех элементов исторического наследия, что были прочно удержаны и мифологизированы как народной памятью, так и политическим сознанием» [9, с. 40].

Из этого, в свою очередь, формировалась реальность, в которой «этничность и политика попали в регионе в самую тесную зависимость» [9, с. 41], а потому могли нормально реализовываться только в рамках этнокультурных обусловленностей. Среди многих возможных социальных связей перевес одержали только те, которые наследовались по рождению. Эта обусловленность определенным образом отделяла то или иное автохтонное общество как от себе подобных, но других, так и от привходящих извне, из-за Кавказа, вторжений.

Наследственность этносоциальных связей в общественном организме накрепко закрывала его от сторонних агентов. Данный механизм сформировался как под влиянием первичных условий, так и «под влиянием преемственных позиционно-исторических характеристик региона» [9, с. 41].

Кроме того, природно-ландшафтная среда была крепкой преградой и способствовала сохранению этно-локальных и культурно-локальных различий в самом северокавказском регионе, поддерживая тем самым её фрагментарность

и отдельность. Политическая жизнь, по причине доминирования этнических связей, замыкалась в рамках этнокультурной традиции и среды. Проекция политических ценностей и политических понятий вовне, в инокультурное и иноэтническое окружение, не предполагала заимствований, а лишь утверждения сформировавшегося и привычного.

Потому все и вся, выходящее за пределы установившейся и привычной социокультурной и политической модальности, воспринималось как опасность и угроза разрушения и потери установившихся основ этнического существования. В связи с этим естественной делается реакция «закрытых» северокавказских горских обществ на возможные привнесения иноструктурных моделей в их этнотрадиционную обусловленность. По этой причине наиболее непримиримыми противниками, например, российского имперского влияния в конце XVIII – начале XIX вв. оказывались не те северокавказские общества, которые уже имели какой-либо опыт взаимодействия с Россией, но, прежде всего, те горские общества, которые таких связей не имели (ичкеринцы высокогорий Чечни, аварцы, андийцы и другие общества Нагорного Дагестана или глубинных районов Северо-Западного Кавказа, например хакучи). Представленные горские сообщества выступают в данном случае лишь в качестве репрезентативной группы и локализации и, естественно, не исчерпывают всего состава и спектра горских обществ Северного Кавказа, аналогичным или сходным образом реагировавших на исходившие от России социально-культурные и политико-правовые посылы. Их страшил и шокировал пример тех, кто такие связи пережил и не смог избежать последовавших политических и культурных перверсий. Политика России сдвигала с места все пласты привычного жизненного уклада горских обществ. Агрессивностью и непримиримостью они стремились сохранить и спасти свою «закрытость» и традиционную обусловленность общественного бытия.

В этой связи враждебность к инновации приобретала характер перманентности, которая в конкретных северокавказских условиях имела форму длительного военного противоборства, которое в отечественной историографии часто обозначается понятием «Кавказская война» [1, с. 6–7]. Эта враждебность, по мнению М.М. Блиева, опиралась на универсальную основу, «когда военно-демократический социум («чифдом») при переходе к социально стратифицированному обществу фатально противостоит всем другим обществам, стадийно от него отличавшимся» [2, с. 10].

Что касалось «непримиримого противоборства России и горцев, то оно основывалось главным образом на принадлежности воюющих сторон к слишком разным и слишком отдаленным друг от друга, исторически мало совместимым эпохам: Россия, переживавшая промышленный переворот и вступившая на капиталистический путь развития, столкнулась с горскими обществами, втянутыми в принципиально иную социальную стихию – в революционный переход от эгалитарности к иерархическому обществу» [2, с. 10].

Российское влияние на этнотрадиционный уклад «закрытых» горских здесь используется как наиболее наглядный пример взаимодействия общественных структур, находившихся на разных стадиях своего развития.

Эта разница уже сама по себе порождала конфликт интересов, поскольку выступала всеобъемлющей инновацией для архаизированных сообществ, тотально реформирующей их коренные основы. В рамках такой инновации Россия стремилась препятствовать «характерной для туземцев практики селиться в закрытых и малодоступных местах» или втягивала горцев в хозяйственную деятельность, которую они до определенного времени считали «унизительной и недостойной» [5, с. 135–136].

Можно также отметить, что для «закрытых» горских сообществ не меньшей угрозой были и политические формации исламских моделей, вторгавшиеся в их существование посредством мюридистского имамата, Оттоманской Порты или шахской Персии. Идеология ислама выступала альтернативой социальному устройству горских социумов, обусловленному жесткими скрепами местных адатов, и не менее российского варианта лишала горцев их этноцентричности и наследуемой предопределенности.

Потому, например, изменение технологии получения или обретения социальной статусности в имамате взорвало привычное существование сначала во многих обществах Северо-Восточного Кавказа, что привело к распаду или дезорганизации, существовавших там ханств, частичной гибели или бегству традиционной элиты, а с приходом наибов Шамиля (Мухаммед Амин) стали взрываться социально-политические устои адыгских племен Северо-Западного Кавказа.

При этом мюридизм как кавказское проявление исламской традиции был в первую очередь направлен не только на обеспечение организованного сопротивления с Россией, но, прежде всего, на обоснование необходимости общественного переворота, повлекшего за собой изменение привычных механизмов получения места и ролей в социальной структуре горских обществ. С распространением мюридизма «был дан модернизационный импульс, который должен был изнутри преобразовать горское общество» [3, с. 23], а Россия в данном случае сыграла роль толчка извне, ускорившего социально-политические преобразования в горской среде.

Исламская религиозная доктрина стараниями имама Шамиля выступила движущей силой процесса обновления горского традиционного социума, направленная на политическую унификацию горских обществ [12, с. 12]. За этим последовало объединение определенной части этногетерогенного Северного Кавказа (преимущественно на Северо-Восточном Кавказе) в полиэтничный субстрат, в качестве общей основы для всех процессов и явлений, в рамках и пространстве имамата, спаянного исламской солидарностью [2, с. 9].

Та же «закрытость» горского мира стала причиной, несостоявшегося «союзничества» неприязненной к русским части поляков, стремившихся использовать горское сопротивление Российской империи в деле борьбы за независимость Польши. Неудачей закончились все миссии в горы польских эмиссаров: Л. Зверковского, А. Высоцкого, М. Бжозовского, Т. Лапинского, которые, несмотря на наличие высоких профессиональных качеств военных

специалистов, несмотря на антироссийскую мотивированность, оставались чужаками, пришедшими извне, одинаково с русскими, ворвавшимися в традиционный мир адыгов [6, с. 17–34; 39–58]. Наконец, европейские (польские) представления о суверенитете, во имя которого велась борьба с русскими, не совпадали с горскими представлениями на этот счет, а сами поляки – эмиссары или перебежчики – никак не встраивались (если не учитывать рабства) в традиционные структуры горских обществ: их терпели какое-то время и не допускали выходить за рамки чужаков, некоей отдельности, странным образом, оказавшимся в горском мире.

В силу жесткой структурированности социально-политических институтов внутри «закрытых» обществ, выработанных длительным опытом существования на исторически и географически предопределенном разломе (пограничности), они не могли позволить себе сомневаться или видоизменять их, или выходить за пределы исторически сложившейся практики. Все, что препятствовало, например, наездничеству, торговле рабами, установлению традиционной социальной иерархии, ставило их в тупик. Они не имели механизмов «раздвигания» или ослабления жестких скреп, поддерживающих жизнеспособность их социального устройства.

Причиной тому и базовым фактором для всех социально-политических перипетий в горах Северного Кавказа была горская этническая культура, которая предоставляла им возможность определять себя в мире и, более того, давала им такой образ мира, в котором они могли свободно действовать. В рамках этнической культуры вырабатывалась некая «сбалансированная схема космоса, обеспечивающего возможность человеческой активности в мире, индивидуальной для каждого этноса» [8, с. 280].

Оберегая эту парадигмальную схематичность, горские общества «закрывались» от любых внешних, инокультурных влияний, способных повредить установившиеся представления и практики этнокультурного существования. «Закрытость» вместе с «иммунностью» подвергали репрессии любую информацию или институты, которые противоречили «этническим константам», рожденным и выпестованным в этнической культуре. Этническими константами в данном случае выступали те этнические образы мира, которые лежали в основании рационального опыта и служили каркасом и подоплекой этнической традиции [8, с. 290]. «Закрытость» необходима была горцам для сохранения и поддержания собственных социо-политических структур, основанных и функционировавших в строгих рамках традиционной культуры.

Вторжение инновационности российского или исламского, или всякого иного генеза в равной степени (хотя и не совпадающей) были неприемлемы для горского существования. Присутствие инокультурности, стремящейся к доминированию над традицией, навязывавшей собственные параметры обновленного существования, порождали острую реакцию на привносимые сущности. Опираясь на имевшийся в местных условиях географический, социокультурный, демографический и материальный потенциал, горские

народы (определенная часть их, прежде всего сосредоточенные в горных районах) боролись вооруженной рукой против политических структур, противоречивших их социально-исторической практике до критического истощения их способности отрицать неприемлемое.

В то же время достаточно поступательная интеграция горских обществ в пореформенный период в российские экономические и политические структуры последовательно создавала иммунитеты (не преодоленной до сих пор: мы имеем в виду бурный рост «архаики» в республиках Северного Кавказа после 1991 г.) [5, с. 268–237] вескую альтернативу в виде феномена «российскости» [3, с. 31].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блиев, М. М. Кавказская война / М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – М. : Росет, 1994. – 592 с. – Текст : непосредственный.
2. Блиев, М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации / М. М. Блиев. – М. : Мысль, 2004. – 877 с. – Текст : непосредственный.
3. Дударев, С. Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII – начале XXI века (в свете новых публикаций) / С. Л. Дударев. – Армавир, 2013. – 56 с. – Текст : непосредственный.
4. Зеленев, Е. И. Постижение образа мира / Е. И. Зеленев. – СПб. : Каро, 2012. – 336 с. – Текст : непосредственный.
5. Клычников, Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.) : исторические очерки / Ю. Ю. Клычников. – М. : ЛЕНФНД, 2015. – 368 с. – Текст : непосредственный.
6. Клычников, Ю. Ю. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГУ, 2019. – 90 с. – Текст : непосредственный.
7. Красиков, В. И. Солидарность как социо-антропологический феномен / В. И. Красиков. – Текст : непосредственный // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 3 (4). – С. 355–364.
8. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с. – Текст : непосредственный.
9. Панарин, С. А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-закавказском регионе / С. А. Панарин. – Текст : непосредственный // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия» : исторические чтения. – СПб. : Звезда, 2001. – С. 35–47.
10. Покровский, Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н. И. Покровский ; под редакцией В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. – М. : РОССПЭН, 2009. – 584 с. – Текст : непосредственный.
11. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 461 с. – Текст : непосредственный.
12. Урушадзе, А. Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации / А. Т. Урушадзе. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2010. – № 4 (18). – С. 10–12.

REFERENCES

1. Bliev M.M., Degoev V.V. *Kavkazskaya voyna* [Caucasian War]. M., Roset, 1994. 592 p.
2. Bliev M.M. *Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k tsivilizatsii* [Russia and the Gortsy of the Greater Caucasus. On the Way to Civilization]. M., Mysl, 2004. 877 p.
3. Dudarev S.L. *K izucheniyu spetsifiki integrativnogo processa u narodov Severnogo Kavkaza i Bol'shoy Rossii v XVIII – nachale XXI veka (v svete novykh publikatsiy)* [To the Study of the Specifics of the Integrative Process among the Peoples of the North Caucasus and Greater Russia in the 18th – early 21st Centuries (in the Light of New Publications)]. Armavir, 2013. 56 p.
4. Zelenev E.I. *Postizhenie obraza mira* [Comprehension of the Image of the World]. Spb., Karo, 2012. 336 p.
5. Klychnikov Yu.Yu. *Rossiyskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arkhayka: v poiskakh preodoleniya protivorechiy (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki* [Russian Statehood and the North Caucasian Archaic: in Search of Overcoming Contradictions (XVIII – early XXI Centuries). Historical Essays]. M., LENAND, 2015. 368 p.
6. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. *Polskie insurgenty v ryadakh «nemirnykh» gortsev* [Polish Insurgents in the Ranks of "Non-Peaceful" Gortsy]. Pyatigorsk, PSU, 2019. 90 p.
7. Krasikov V.I. Solidarnost kak socio-antropologicheskiy fenomen [Solidarity as a socio-anthropological phenomenon] *Vestnik KemGU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of KemSU. Humanities and Social Sciences*, 2019, No. 3 (4), pp. 355–364. (In Russian).
8. Lurye S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. M., Academic Project; Gaudeamus, 2004. 624 p.
9. Panarin S.A. Pozitsionno-istoricheskie predposylki sovremennoy politicheskoy situatsii v Kavkazsko-zakavkazskom regione [Positional-historical background of the current political situation in the Caucasian-Transcaucasian Region]. *«Rossiya i Kavkaz – skvoz dvastoletiya»*. *Istoricheskie chteniya = "Russia and the Caucasus – Through Two Centuries". Historical Readings*. SPb., 2001, pp. 35–47. (In Russian).
10. Pokrovskiy N.I. *Kavkazskie voyny i imamat Shamilya* [Caucasian Wars and Shamil's Imamate]. Ed. by V.G. Gadzhiev, N.N. Pokrovskiy. M., ROSSPEN, 2009. 584 p.
11. Savitskiy P.N. *Kontinent Evraziya* [Eurasia Continent]. M., Agraf, 1997. 461 p.
12. Urushadze A.T. Imamat Shamilya i tanzimat Osmanskoy imperii – dva tipa modernizatsii [Imamate of Shamil and Tanzimat of the Ottoman Empire – two types of modernization]. *Bylye gody = Bygone Years*, 2010, No. 4 (18), pp.10–12. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кузнецова, Е. В. Политические и социокультурные причины существования «закрытых» обществ на Северном Кавказе в XIX веке / Е. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 104–111.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kuznetsova E. V. Political and Socio-cultural Reasons for the Existence of "Closed" Societies in the Northern Caucasus in the 19th Century / E. V. Kuznetsova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 3, pp. 104–111. (In Russian).